

Экономическая теория, методология и политика

Научная статья
УДК 330.13
doi: 10.17223/19988648/71/1

Прибавочная стоимость в реалиях постиндустриальной экономики

Марина Леонидовна Альпидовская¹, Алексей Михайлович Корнилов²

^{1, 2} *Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия*

¹ *morskaya67@bk.ru*

² *lyokha74@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена переосмыслению концепции прибавочной стоимости (КПС) в условиях постиндустриальной экономики. Исходя из принципа её интеллектуальной живучести, несмотря на попытки разрушения классических марксистских парадигм, в статье анализируется причина и идея сохранности теоретической и культурной актуальности КПС. Рассматриваются исторические корни теории, её метафизическая привлекательность, эмпирические подтверждения и критика, внутренние логические противоречия, а также альтернативные формы извлечения избыточной стоимости в цифровой экономике (экономике данных). Делается вывод о необходимости переосмысления и адаптации марксистского инструментария к новым экономическим реалиям.

Ключевые слова: прибавочная стоимость, марксизм, капитал, труд, индустриальная экономика, цифровая эпоха

Для цитирования: Альпидовская М.Л., Корнилов А.М. Прибавочная стоимость в реалиях постиндустриальной экономики // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2025. № 71. С. 7–26. doi: 10.17223/19988648/71/1

Economic theory, methodology and policy

Original article

Surplus value in the realities of the post-industrial economy

Marina L. Alpidovskaya¹, Aleksey M. Kornilov²

^{1, 2} *Financial University, Moscow, Russian Federation*

¹ *morskaya67@bk.ru*

³ *lyokha74@mail.ru*

Abstract. This article re-examines the concept of surplus value within the context of the post-industrial economy. Proceeding from the principle of its intellectual resilience – despite attempts to deconstruct classical Marxist paradigms – the article analyzes

the reasons for, and the idea of, the continued theoretical and cultural relevance of the concept. The study explores the historical roots of the theory, its metaphysical appeal, empirical corroboration and criticism, internal logical contradictions, as well as alternative forms of surplus value extraction within the digital (data) economy. The conclusion is drawn regarding the necessity of rethinking and adapting the Marxist analytical toolkit to new economic realities.

Keywords: surplus value, Marxism, capital, labour, industrial economy, digital age

For citation: Alpidovskaya, M.L. & Kornilov, A.M. (2025) Surplus value in the realities of the post-industrial economy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 71. pp. 7–26. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/71/1

Введение. Парадокс выжившей теории

В 1992 г. американский политолог (философ, «политический экономист») Фрэнсис Фукуяма опубликовал книгу под провокационным названием «Истории и последний человек», в которой утверждал, что либеральная демократия и рыночная (капиталистическая) экономика одержали окончательную победу в качестве универсальных форм общественного устройства [1]. Символом этого триумфа стало падение Берлинской стены, а крах Советского Союза – финальной точкой великой идеологической борьбы XX в. Казалось бы, вместе с коммунистическим проектом должны были исчезнуть и все теоретические основания, на которых он базировался, и в первую очередь концепция прибавочной стоимости (КПС), разработанная Карлом Марксом, как объяснение природы эксплуатации в капиталистическом обществе.

Однако и три десятилетия спустя идея прибавочной стоимости парадоксальным образом не только не исчезла, но, приобретая новые формы бытования, успешно осваивает новые фронты борьбы за общественную справедливость. Видеолекции по марксистской политической экономии собирают сотни тысяч просмотров на интернет-видеоплатформах, а термины подобно «эксплуатация» или «неоплаченный труд» возвращаются в повестку дня не только в трудах теоретиков левой идеологии, но и в манифестах акционеров крупных корпораций, требующих справедливой оплаты труда на производствах в Азии и Латинской Америке. О прибавочной стоимости спорят не только экономисты, но и социологи, критики системного расизма, активисты движения за права фрилансеров. Невольно задаешься вопросом – в чём причина соответствующей жизнестойкости?

На первый взгляд, ренессанс КПС может показаться почти противоестественным. Ведь с точки зрения мейнстрима современной экономической науки, каковым себя позиционирует «экономикс», концепция прибавочной стоимости неоднократно подвергалась детальному разбору, критике и была признана несостоятельной.

Более того, утверждается, что многие предсказания К. Маркса, вытекающие из его теории, не оправдались: рабочий класс в индустриально развитых странах не обнищал, пролетарская революция не произошла, а капитализм оказался способным к самореформации (по крайней мере, на каком-то

этапе). С другой стороны, феноменологическая, а нередко и метафизическая правдоподобность идеи о том, что труд оплачивается «не полностью», продолжает оказывать мощное воздействие на массовое сознание. В этом, собственно, и заключается сущность парадокса: теория, опровергнутая на одном уровне – эмпирическом и прогностическом, – продолжает функционировать на другом – когнитивном и метафорическом.

Таким образом, прибавочная стоимость сегодня – это не только научная категория, но и своего рода метафизический, социальный архетип. Она выступает в роли объяснительного принципа, позволяющего человеку интуитивно понять устройство мира, в котором он ощущает себя обделённым (ущемлённым). В силу этого свойства КПС трансформируется в своего рода теорию, которая по формальным критериям должна быть мертва, но продолжает жить, меняя формы, контексты и субъектов. Именно это удивительное сочетание когнитивной жизнеспособности и исторической трансформируемости делает прибавочную стоимость достойным объектом специального анализа в условиях современной экономики.

Настоящая статья не ставит своей задачей чрезмерную апологию марксизма и тем более не стремится к его дискредитации. Её задача – разобраться, почему и в какой мере концепция прибавочной стоимости сохраняет свою значимость и как она адаптируется к реалиям эпохи цифровизации: платформенному нефеодализму, гибридным формам занятости и т. д. При этом в равной мере интересной представляется как научная состоятельность КПС, так и её психологическая и социальная привлекательность. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть и её эволюцию, и критику, и тем более трансформации и возможности дальнейшего применения в аналитике современных социально-экономических процессов.

Материалы и методы

В данной статье проведено исследование открытых источников в контексте эволюции концепции прибавочной стоимости в условиях становления постиндустриальной экономики. Дан анализ причинно-следственных связей и самой идеи сохранности теоретической и социокультурной актуальности данной концепции. Выявлены исторические корни теории, её метафизическая привлекательность, эмпирические подтверждения и критика, внутренние логические противоречия, а также альтернативные формы извлечения избыточной стоимости в цифровой экономике (экономике данных). Делается вывод о необходимости переосмысления и адаптации марксистского инструментария к новым экономическим реалиям.

На основании общетеоретических методов исследования проведён внутридисциплинарный анализ и синтез первичных исходных данных, а также реализован межнаучный подход исследования происходящих трансформационных процессов в современных социально-экономических отношениях, который позволяет углубить и расширить предметное поле и предметную область.

Результаты и обсуждение

1. Исторический контекст: от Маркса до разрушения соцлагеря. Как ни банально это прозвучит, но чтобы понять, почему концепция прибавочной стоимости сохраняет свою актуальность, необходимо в очередной раз обратиться к её истокам. Для Карла Маркса прибавочная стоимость была не просто одной из категорий политической экономии – это был краеугольный камень всей его критики капитализма. Именно на основе анализа прибавочной стоимости он объяснял природу прибыли, источник эксплуатации и неизбежные противоречия капиталистической системы.

Суть концепции можно выразить так: рабочий, продавая свою рабочую силу, получает заработную плату, эквивалентную стоимости необходимых ему жизненных средств, то есть того количества товаров и услуг, которое необходимо для его воспроизводства как рабочей единицы. Однако в процессе труда он производит товаров на сумму, превышающую эту стоимость. Разница между тем, что он получает, и тем, что он производит, и есть прибавочная стоимость. Эту разницу присваивает капиталист, что и составляет суть эксплуатации.

КПС органично встроена в трудовую теорию стоимости, восходящую к Д. Рикардо и А. Смиту, но именно К. Маркс развил её в наиболее системном виде. Причём он подчёркивал, что прибавочная стоимость создаётся только производительным трудом – тем, который не просто создаёт полезные вещи, но участвует в процессе самовозрастания капитала. С этой точки зрения, работник ресторана McDonald's и разработчик программного обеспечения для корпорации – оба участвуют в создании прибавочной стоимости, если их труд вовлечён в рыночное производство, приносящее прибыль.

На протяжении XX в. концепция КПС была неотъемлемой частью идеологического и экономического дискурса в странах социалистического лагеря. В СССР она преподавалась в вузах, обсуждалась в научных журналах, использовалась в политических выступлениях. КПС служила обоснованием плановой экономики, ограничения частной собственности на средства производства. В этом контексте она функционировала не просто как аналитическая категория, но как политическая догма.

Однако к концу столетия после отказа от социалистической модели хозяйственной деятельности, которая якобы показала свою неэффективность, после распада СССР марксизм оказался под огнём критики как на Западе, так и на постсоветском пространстве. Многие аналитики поспешили объявить его окончательно устаревшим, а саму концепцию прибавочной стоимости – ненаучной и неприменимой в новых условиях.

Тем не менее, несмотря на институциональный кризис марксизма, идея прибавочной стоимости не исчезла. Она сохранилась, трансформировалась и начала заново интегрироваться в новые дискурсивные поля. И в этом процессе важную роль сыграли три фактора:

Интуитивная ясность концепции, которая делает её привлекательной для широкой аудитории.

1. Неспособность неоклассической экономики объяснить многие современные диспропорции – от неравенства до циклических кризисов.

2. Переосмысление КПС в терминах других социальных теорий – гендерной, расовой, неокOLONиальной критики.

Именно поэтому идея, казавшаяся реликтом индустриальной эпохи, не только не исчезла, но обрела новую жизнь в постиндустриальной реальности. КПС из догмы превратилась в метафору, из теории – в эвристический инструмент, из марксистского тезиса – в трансдисциплинарную концептуализацию структурного принуждения и асимметрии власти.

2. Метафизика прибавочной стоимости. Один из ключей к устойчивости концепции прибавочной стоимости – её метафизическая и психологическая укоренённость. Даже если абстрактные экономические модели теряют убедительность в глазах критиков, эмоциональная реакция на сам факт обмена труда на деньги остаётся мощным источником субъективной легитимности теории. Для миллионов людей по всему миру, сталкивающихся с рутинной наёмной работой, идея о том, что они получают меньше, чем производят, – не гипотеза, а экзистенциальная реальность.

Концепция прибавочной стоимости апеллирует к интуитивному ощущению несправедливости, которое трудно опровергнуть логикой. Это ощущение порождается целым рядом когнитивных искажений и нейропсихологических механизмов, глубоко укоренённых в природе человеческого восприятия.

Прежде всего, речь идёт об иллюзии «неоплаченного труда». Когда человек трудится – особенно если труд монотонен, тяжёл или сопряжён с психологическим давлением – он остро ощущает свои усилия, но гораздо слабее – их «рыночную» компенсацию. Как правило, удовольствие от результата (зарплаты) отложено во времени, а иногда и вовсе размывается инфляцией, тратами и социальным сравнением. Возникает когнитивный дисбаланс: страдание от труда переживается непосредственно и остро, а награда – смутно и не сразу.

Добавим сюда феномен «консенсуса *ad idem*», т.е. совпадения воли и намерений между сторонами сделки. На практике при найме согласие это в подавляющем большинстве случаев носит принудительно-условный характер: работник принимает условия, не потому что они кажутся ему справедливыми, а потому что у него нет альтернатив. А это уже психологически воспринимается как скрытая форма насилия или, по крайней мере, давления. Неудивительно, что в массовом сознании наёмный труд часто ассоциируется с «эксплуатацией» даже без обращения к марксизму как таковому.

Кроме того, на стороне КПС работает механизм дофаминового подкрепления, известный в нейропсихологии как основа мотивационного цикла. Поисковая активность, т.е. сам процесс наёмной работы, сопровождается выбросом дофамина – гормона ожидания и предвкушения. Однако достижение цели, например получение зарплаты, не даёт аналогичного удовлетворения, поскольку дофаминовый отклик резко снижается. В результате вместо чувства награды – ощущение пустоты и фрустрации.

Именно на этом фундаменте строится массовое интуитивное представление о несправедливости трудового обмена. Человек чувствует, что работает «больше, чем получает», и эта эмоциональная оценка накладывается на социальный контекст, где различия в доходах между СЕО¹ и рядовыми работниками могут достигать в десятки и сотни раз. Даже если экономист объяснит эту разницу рационально – через ответственность, риск, капиталовложения – для большинства это не отменяет ощущение структурной несправедливости.

Но устойчивость КПС объясняется не только личным опытом наёмного труда. Эта концепция оказалась удивительно пластичной и способной интегрироваться в новые дискурсы:

- Феминистская критика рассматривает домашний труд женщин как неоплачиваемую форму эксплуатации. При этом марксистская идея «производительного труда» расширяется до заботы, эмоционального и репродуктивного вклада.

- Антирасистская оптика анализирует эксплуатацию мигрантов и «небелого» населения как форму «структурного неравенства», где прибавочная стоимость возникает на фоне юридической уязвимости и ограниченного доступа к правам.

- Психология платформенного труда (например Uber или Яндекс.Еда) поднимает вопросы автономии, алгоритмического контроля и неопределённости дохода – всё это вызывает ощущение усиленной эксплуатации, несмотря на формальную «свободу».

Таким образом, идея прибавочной стоимости перестаёт быть чисто экономической схемой. Она становится универсальной метафорой отчуждения, объяснением – почему мир устроен несправедливо. Это объяснение глубоко эмоционально, оно резонирует с личным опытом, а потому и устойчиво к критике.

Собственно, в силу этой своей психологической достоверности КПС не просто продолжает оставаться частью интеллектуального ландшафта, но демонстрирует способность подобно фениксу возрождаться из совершенного упадка. Даже если кто-то не читал ни К. Маркса, ни вообще работ по политической экономии (экономической теории), он способен понять суть прибавочной стоимости на уровне обыденного здравого смысла. Эта формула – простая, ёмкая и эмоционально заряженная – и делает КПС по-настоящему живой идеей в обществе постиндустриального труда.

3. Научная ценность концепции прибавочной стоимости: прогнозы vs реальность. Но если эмоционально-психологическая устойчивость КПС легко объясняется из закономерностей обыденного сознания, то вопрос её

¹ Chief executive officer (аббр., калька с амер. англ. «главный исполнительный директор»), в брит. англ. managing director (аббр. MD) – высшая управленческая должность, существующая в странах с западной экономической моделью (США, Великобритании и пр.). Используется в государственных, коммерческих и некоммерческих организациях, а также в транснациональных компаниях/корпорациях. Ближайший аналог должности СЕО в российской деловой среде – генеральный директор.

научной состоятельности требует более строгого анализа. Главный аргумент в пользу любой теоретической конструкции – её прогностическая сила, то есть способность не просто объяснить происходящее постфактум, но предсказать будущие тенденции. С этой точки зрения судьба марксистской теории, включая концепцию прибавочной стоимости, неоднозначна: одни предсказания оказались проблематичными, другие – поразительно точными.

Начнём с подтверждений. Современные макроэкономические тенденции удивительным образом резонируют с рядом ключевых положений, выведенных Марксом из анализа прибавочной стоимости [2, т. 1].

3.1. Рост органического строения капитала. Карл Маркс утверждал, что капиталистическая экономика тяготеет к увеличению доли постоянного капитала (машины, здания, технологии) по сравнению с переменным (затраты на рабочую силу). Эта тенденция выражается в понятии «рост органического строения капитала». Главная проблема: прибавочную стоимость может создавать только переменный капитал, то есть труд, и чем больше его заменяет техника, тем меньше база для извлечения прибавочной стоимости.

В XXI в. мы наблюдаем лавинообразный рост автоматизации, роботизации и цифровизации. Пример – Amazon, где доля ИТ-инфраструктуры в издержках выросла с 8% в 1999 г. до 61% в 2020-х гг. На многих современных производствах доля трудозатрат в себестоимости продукции сокращается до единиц процентов. Тем не менее прибыль продолжает извлекаться, что порождает как новые формы эксплуатации (алгоритмический контроль, сверхнормативные KPI), так и новые споры о природе прибавочной стоимости в условиях посттрудоу экономики.

3.2. Падение нормы прибыли. Маркс писал, что по мере роста органического строения капитала норма прибыли (отношение прибавочной стоимости к сумме постоянного и переменного капитала) имеет тенденцию к снижению. На практике это означает: инвестиции растут, а отдача с них падает.

Данные по развитым экономикам подтверждают этот тренд. Доходность индекса S&P 500, например, снизилась с 12% в 1950-х гг. до 4–5% в 2010–2020-х гг. В Японии «потерянные десятилетия» стали символом стагнации. В Европе наблюдается хронический дефицит продуктивных инвестиций: деньги есть, но они «не знают», куда им идти. Отсюда – феномен «зомби-бизнесов», описанный Джефффри Саксом: компании, живущие за счёт дешёвых кредитов, но неспособные приносить реальную прибыль [3].

И самым интересным – точнее парадоксальным – в этой связи представляется то, что капитализм выживает не вопреки этим тенденциям, а за счёт перераспределения результирующих издержек через государственные интервенции, финансовые пузыри и платформенные монополии.

3.3. Глобальная монополизация и политико-экономическое слияние. Третье «подтверждение» КПС – это концентрация капитала. К. Маркс писал, что капиталистическая конкуренция не ведёт к равновесию, а к укрупнению и монополизации. Сегодня имена вроде BlackRock, Vanguard или State Street стали символами этой концентрации. Например, BlackRock

управляет активами более чем на \$10 трлн, что сопоставимо с половиной мирового ВВП.

Такие структуры уже не просто бизнес – они формируют экономическую политику государств, влияют на климатическую стратегию, политические назначения, стандарты корпоративной этики. Стирается грань между экономической и политической властью – именно то, что Маркс обозначал как «диктатура капитала».

Таким образом, несмотря на формальную «архаичность» марксовской терминологии, описываемые им закономерности на удивление точно передают суть происходящего.

3.4. Контраргументы: где Маркс ошибся? Разумеется, нельзя игнорировать и прогностические промахи марксизма. Прежде всего – главный марксистский прогноз: неизбежность пролетарской революции. Он не сбывлся. Рабочие не восстали, капитализм не рухнул. Наоборот, XX в. стал веком рекордного роста уровня жизни в странах центра. Отчасти благодаря уступкам, отчасти – за счёт периферии. Но факт остаётся фактом: современный рабочий класс в США или Германии – по крайней мере до начала 2020-х – это отнюдь не нищие («пролетарии»), но скорее класс средний.

А значит, соответствующей корректировки требуют и некоторые положения КПС. По всей видимости, не вся прибавочная стоимость присваивается напрямую; часть её перераспределяется в виде социальных трансфертов, инфраструктурных инвестиций, пенсионных систем. Капитализм научился «делиться» не из гуманизма, а из прагматизма.

Но надолго ли хватило этого прагматизма, этой рациональности?

Другой важный момент – усложнение структуры труда. Если для К. Маркса труд – это мера затрат времени, то сегодня значительная часть занятости связана с нематериальными функциями: обслуживание, коммуникация, дизайн, ментальное здоровье, модерация цифрового контента. Как считать прибавочную стоимость в этих сферах – неясно. Отсюда и споры: создаёт ли программист прибавочную стоимость, если его продукт бесплатный? А блогер? А модератор в TikTok?¹

Тем не менее даже эти вопросы демонстрируют не бесполезность КПС, а её теоретическую плодovitость. Если теория порождает дискуссию, её нельзя назвать мёртвой. Наоборот, это говорит об её аналитическом потен-

¹ К слову сказать, на вопрос, как КПС объясняет ценность услуг или информации, марксисты отвечают: а) **репродуктивный труд** (образование, медицина, искусство) создаёт социальную стоимость, воспроизводя рабочую силу; учитель косвенно участвует в производстве, готовя будущих работников; б) **данные** – это «сырьё», добываемое трудом пользователей, или как писал Кристиан Фукс: «Лайк – это кирпичик цифровой фабрики. Его стоимость определяется временем, потраченным на создание профиля, обучение алгоритмам и поддержание онлайн-активности» (Цифровой труд и марксизм. 2014). Так, например, соцсети тратят 70% доходов на «завоевание внимания» (труда пользователей), что эквивалентно инвестициям в добычу ресурсов.

циале в новых условиях, важнейшей составляющей которого, служит провокативность, отличавшая марксистский дискурс с самого момента его зарождения.

4. Критика марксизма: от Зиберера до Сакса. Критика трудовой теории стоимости и, следовательно, концепции прибавочной стоимости началась практически сразу после публикации первых марксовых работ. Уже в конце XIX в. экономисты, придерживавшиеся маржиналистского подхода, обвинили Маркса в методологических ошибках и логических противоречиях. Эта критика приобрела новую интенсивность в XX и особенно в XXI в., когда на первый план вышли цифровые технологии, нематериальный труд и усложнение экономических структур.

4.1. Ранняя критика: Н.И. Зибер и вопрос о цене и стоимости. Одним из первых русских экономистов, внимательно изучивших и одновременно критически осмысливших труды К. Маркса, был Н.И. Зибер. Уже в 1871 г. он обратил внимание, что маржиналистский дискурс (в его на тот момент самых ранних, пропедевтических формах, за авторством Госсена, Курно, фон Тюнена) систематически смешивает понятия «цена» и «стоимость». В их представлении цена – это всегда субъективная оценка покупателя, зависящая от предельной полезности. Однако, как замечал Зибер, такая трактовка игнорирует важную категорию – динамику. Она не объясняет, почему цена одного и того же товара на длинном временном отрезке ведёт себя предсказуемо и стабильно.

Н.И. Зибер доказывал, что вся система предельной полезности строится на ограничении интеллектуального эксперимента условиями «осаждённой крепости», то есть ситуаций, в которых потребности неотложны, а выбор ограничен. Такие модели годятся для анализа кризисных эпизодов, но не для системного объяснения производства и распределения богатства в экономике. Именно поэтому, по мнению Зиберера, трудовая теория стоимости имеет важное преимущество – она позволяет строить модели длительных процессов, включая воспроизводство капитала и классовую структуру [4].

4.2. Современные критики: от Поппера до Сакса. В XX в. критика марксизма усиливается, особенно со стороны так называемых философов науки и представителей неоклассической школы. Карл Поппер обвинял марксизм в «ненаучности», поскольку его теории якобы не фальсифицируемы [5, с. 396, 626]. Он утверждал, что марксизм, подобно психоанализу, может объяснить любое событие постфактум, но не способен сделать точные и проверяемые предсказания.

На более прикладном уровне экономисты вроде Роберта Солоу утверждали, что марксистская теория не повлияла на развитие современной экономики [6]. В его модели экономического роста труд и капитал рассматриваются как комплементарные факторы, каждый из которых вносит вклад в создание добавленной стоимости. При этом труд – не уникальный источник стоимости, а лишь один из факторов производства.

Кроме того, марксистскую теорию критиковали за неспособность учесть инновации, предпринимательство и риск как источники прибыли. В реальной экономике, по мнению критиков, прибыль часто возникает из-за новых

идей, способности к организации, технологического лидерства. Если человек инвестирует в создание уникального продукта – почему его прибыль должна считаться эксплуатацией?

4.3. Цифровая экономика и вызовы постиндустриального мира. Самая свежая волна критики касается применимости КПС к экономике услуг, информации и креативности. В мире, где основной продукт – это код, идея, эстетический опыт или пользовательский интерфейс, трудно точно определить, какой труд создаёт стоимость и в какой момент происходит её присвоение.

Цифровые платформы размывают границу между производителем и потребителем. Пользователь Facebook одновременно создаёт контент (труд?), потребляет информацию (услуга?) и генерирует данные (сырьё?). Кто кого эксплуатирует в этой цепочке? Сам Facebook, разработчик алгоритма, рекламодатель или потребитель?

Тем не менее даже в этих условиях можно проследить линию, продолженную от марксистской концепции: речь идёт не столько о конкретной форме труда, сколько о системной структуре, при которой большая часть создаваемой ценности уходит не тому, кто её создаёт. Например, курьер «Яндекс.Еды», выполняющий физическую работу, получает менее 10% от общей стоимости доставки, в то время как платформы и инвесторы – большую часть маржи.

4.4. Ответ марксистов: суть не меняется – меняются формы. Марксисты парируют тем, что сущность прибавочной стоимости остаётся неизменной, т.е. это изъятие созданной стоимости у того, кто её произвёл, в пользу того, кто контролирует доступ к средствам производства¹. Разница в том, что теперь эти средства – не станки и фабрики, а сервера, алгоритмы и пользовательские базы.

К. Маркс писал, что капиталистическая эксплуатация проявляется через отчуждение труда. В современной экономике отчуждение усиливается: человек не только не владеет результатами своего труда, но и часто не понимает, как его труд монетизируется. Uber-водитель не знает, сколько за поездку платит клиент и как рассчитывается его доля. Автор в TikTok не может предсказать, какое видео «выстрелит», а его вознаграждение зависит от чёрного ящика алгоритма.

Таким образом, критика КПС в цифровую эпоху говорит не столько о её неактуальности, сколько о необходимости её адаптации. Изменились

¹ В качестве иллюстрации сравним распределение оплаченного и неоплаченного рабочего времени в XIX и XXI в.:

а) ткач в Манчестере (1840-е) трудился 14 ч в день; при этом зарплату, покрывавшую стоимость жилья и питания (для всей семьи!) он вырабатывал за 6 ч, так что прибавочное время составляло 8 ч;

б) курьер Delivery Club (2020-е) работает 12 ч в день; зарплату (= аренда комнаты в Подмосковье + дешёвая еда) он отрабатывает за 2 ч, так что прибавочное время составляет 10 ч!

формы труда, механизмы контроля и распределения, но логика асимметрии – между затратами и результатом, между трудом и прибылью – осталась.

Тем не менее ограничиться этими оптимистическими выводами из внешней критики марксизма и обойти стороной его внутреннюю критику было бы в высшей степени методологически некорректно. Тем более что выявление и формализация логических уязвимостей, естественных и неизбежных в любом, в том числе марксистском дискурсе, составляет критически важный элемент его актуализации, т.е. адаптации к изменившимся реалиям.

5. Внутренние противоречия Маркса: логика vs реальность. При всём могуществе когнитивного потенциала концепции прибавочной стоимости внимательное чтение «Капитала» показывает, что внутри самой марксистской теории заключены некоторые логические несогласованности. Одна из них связана с соотношением между стоимостью, ценой и рабочим временем, другие – с непоследовательностью в интерпретации уровня жизни пролетариата. Эти противоречия важны не только как предмет историко-философского анализа, но и как вызов для современной марксистской мысли, претендующей на строгость и научность.

5.1. Проблема абстрактной стоимости и логического круга. К. Маркс строит свою теорию на основе трудовой теории стоимости, согласно которой стоимость товара определяется количеством общественно необходимого рабочего времени, затраченного на его производство. При ближайшем рассмотрении, однако, это внешне стройное определение оказывается неидеальным с точки зрения формальной логики.

Особо заметно это в анализе воспроизводства рабочей силы. Сколько «стоит» рабочая сила? Столько, сколько нужно для её воспроизводства, то есть через стоимость потребительской корзины (еда, одежда, жильё, транспорт) [7, с. 181]. Сколько же, в свою очередь, стоят они? Сколько требуется рабочего времени на их создание [7, с. 182, 198]. И чтобы вырваться из этой рекурсии, нам нужно рассчитать средние цены на них – которые конъюнктурно колеблются вокруг стоимости. Иными словами, мы получаем классический круг в доказательстве¹.

Некоторые интерпретаторы пытались решить эту проблему через математические модели, «одновременные уравнения» или «трансформационные схемы» (например, Пьеро Сраффа). Но в целом проблема остаётся: теория опирается на категорию, которая не имеет строго независимого измерителя.

¹ Не желая присваивать себе чужие лавры, отметим, что первым на этот круг в доказательстве обратил внимание ещё в 1896 г. Ойген фон Бём-Баверк, отмечавший в своей книге «Критика теории Маркса», что в одном месте «Капитала» Маркс решительно утверждает: «стоимости определяют в последней инстанции цены производства» [8, с. 58], а в другом сам себе противоречит, указывая на возможность того, что средства, необходимые для существования рабочих могут продаваться по ценам производства, которые будут расходиться с необходимым (для их производства) рабочим временем (т.е. стоимостью), так что переменная часть капитала «представит отклонение от своей стоимости» [8, с. 57] – получается, стоимость расходится сама с собой.

5.2. Проблема уровня жизни рабочего и нормы эксплуатации. Другой внутренний конфликт связан с оценкой жизненного уровня рабочего. В марксистской модели рабочий получает лишь «стоимость рабочей силы», т.е. минимум, необходимый для воспроизводства [7, с. 585]. Всё сверх этого – прибавочная стоимость. Однако, сам же Маркс в «Капитале» приводит некоторым образом противоречивые примеры. Так, критикуя Уэйкфилда, он признаёт, что принципиальные условия извлечения прибавочной стоимости, оказывается, носят сугубо конъюнктурный характер, и при определённом соотношении спроса и предложения рабочей силы пролетарии могут систематически накапливать средства на открытия собственного «дела» [7, с. 780]. В другом месте Маркс приводит обширную выдержку из публикации в «Morning Star» 1867 г., посвященную бедственному положению рабочих лондонских пригородов, из которой, однако, прямо следует, что в межкризисные периоды средства, необходимые на открытие собственного бизнеса, пролетарии могли откладывать даже при максимальном на тот момент разгуле капиталистической эксплуатации¹. Также Маркс отмечал, что жилищные условия пролетариата в Англии иногда улучшались под давлением инспекций и реформ.

Значит ли это, что норма эксплуатации снизилась? Или что рабочие стали получать долю прибавочной стоимости? Вряд ли. Но в этом случае теряется однозначность определения: если часть прибавочной стоимости может возвращаться рабочему, где тогда граница между эксплуатацией и её отсутствием?

К. Маркс также указывает, что стоимость рабочей силы включает не только биологический минимум, но и исторически сложившийся социальный уровень потребностей. Это расширяет понятие, но одновременно делает его неопределённым: если «необходимое» варьируется от общества к обществу и от эпохи к эпохе, как тогда измерить норму прибавочной стоимости в сопоставимых терминах?

5.3. Интерпретации: ошибка Маркса или особенность метода? Можно ли считать эти нестыковки теоретической ошибкой? Нет. Некоторые исследователи (например Р. Бельфоре и Т. Редольфи-Рива) утверждают, что К. Маркс сознательно создаёт систему понятий, которые аппроксимируют реальность, а не дублируют её напрямую². Его метод – не позитивизм, а критика политической экономии. Поэтому он оставляет место для недоопределённости, чтобы зафиксировать *движение* понятий, а не их окончательные формы [9].

¹ ««Все 20 ф. ст., которые я и отец отложили в лучшие времена, – вышли... Вот, посмотрите», – почти диким голосом воскликнула она, доставая банковскую книжку» [7, с. 683–684].

² «The concrete is not what stands in front of human intellect, but a 'unity of the manifold', knowledge which, even though it has as its necessary basis in the analytical method, dialectically evades the dichotomy of the factual and the mental. Thus, Marx proceeds logically, and not historically, because the form of capital that he developed posits its own conditions of existence» [7].

Тем не менее для современной читательской аудитории – особенно в научных кругах – такая апелляция к «движению понятий» может восприниматься как недостаток строгости. Собственно в этом заключается дилемма марксизма сегодня: быть системой открытых категорий или стремиться к строгой, предсказательной модели.

Таким образом, внутренняя критика КПС не сводится к опровержению, но требует постоянной теоретической работы по уточнению, пересмотру и адаптации исходных категорий.

Следующий раздел как раз и содержит один из возможных выходов из этих противоречий – анализ альтернативных механизмов присвоения избыточной стоимости, которые выходят за пределы классического понятия прибавочной стоимости.

6. Альтернативный механизм: конъюнктура, время и рыночная власть. Переход от индустриальной к постиндустриальной экономике обострил дискуссии о природе избыточной стоимости. Если в классической модели прибавочная стоимость извлекалась из наёмного труда, то сегодня всё чаще на первый план выходят другие механизмы – не менее системные и воспроизводимые. Это позволяет говорить о «новой прибавочной стоимости», создаваемой не столько трудом, сколько временем, асимметрией информации, правом собственности на инфраструктуру и способностью влиять на цену.

6.1. Манипуляция ценами и временной лаг. Современные корпорации извлекают избыточную прибыль не просто за счёт удешевления труда, но благодаря стратегическому контролю над *временем*. В экономике платформ и глобальных цепочек поставок тот, кто управляет моментом реализации товара, способен систематически получить сверхприбыль без реального увеличения стоимости. Рассмотрим, как это работает на практике.

Рассматривая в главе 4 тома 1 «Капитала» вероятные источники прибавочной стоимости, К. Маркс отталкивается – со ссылкой на Кондильяка¹ – от старинного, восходящего ещё к античной критике хрематистики, тезиса, согласно которому источником прибавочной стоимости служит неэквивалентный обмен. И само собой, легко его опровергает: «Допустим теперь, что продавец обладает какой-то необъяснимой привилегией продавать товары выше их стоимости, за 110, если они стоят 100... Продавец получает таким образом прибавочную стоимость, равную 10. Но после того как он был продавцом, он становится покупателем... Наш товаровладелец выиграл в качестве продавца 10, чтобы потерять в качестве покупателя те же 10» [7, с. 171]. Иначе говоря, раз подобную наценку делают все, никакой реальной выгоды она не приносит, но лишь разгоняет инфляцию. Рассуждение это может показаться логически безупречным, если не учитывать фактор времени, что во

¹ «Неверно, что при товарном обмене равная стоимость обменивается на равную стоимость. Наоборот, каждый из двух контрагентов всегда отдаёт меньшую стоимость взамен большей... Мы стремимся отдать бесполезную для нас вещь с тем, чтобы получить необходимую; мы хотим дать меньшее взамен большего...» (Condillac. «Le Commerce et le Gouvernement» (1776) [10, с. 290–291]).

времена Маркса и первых его критиков было вполне естественно – те же маргиналисты, похоже, совершенно не понимали, что разница в субъективном восприятии ценности первой, второй и всех последующих котлет возникает только при том странном условии, что съесть их почему-то надо немедленно. Иначе говоря, выигрыш от конъюнктурного превышения цены над стоимостью («не обманешь – не продашь», как афористично описывается данный феномен народной мудростью), принимая всеобщий характер, конечно, нивелируется, но не сразу, а лишь по мере того, как все участники рынка осознают порождаемый им диспаритет стоимостной (товарной) и денежной массы и соответственно вносят поправку на этот диспаритет в свою хозяйственную деятельность. А это, как, например, в случае с «инфляционной спиралью», требует определённого времени – скажем, порядка фискального года – и позволяет добиться известных экономических эффектов, в том числе и позитивных. Образовавшийся избыток покупательной способности (прекурсор финансового пузыря) можно

- обратить на личное потребление («проесть»);

- использовать для наращивания рыночной власти (демпинг конкурентов или коррупцию властных институтов), чтобы на следующем этапе увеличить этот избыток, собственную долю в денежной массе и свою рыночную власть ещё больше;

- следуя Шумпетеру, проинвестировать какой-нибудь инновационный проект, который за счёт мультипликативного эффекта расширит совокупную стоимостную массу («общественное богатство») на величину большую, нежели объём вложенных в этот проект средств, добытых с помощью пресловутого «не обманешь – не продашь».

Этот последний принцип, таким образом, составляет основу всякого социально-экономического развития, хотя, понятно, и не ведёт к нему автоматически (поскольку, напомним, рыночное преимущество, полученное с помощью конъюнктурной наценки, можно и чисто гедонистически пустить по ветру, направив на конечное потребление, и, что ещё хуже, обратить на финансовые спекуляции, с логической неизбежностью уничтожающие самые предпосылки для всякой позитивной хозяйственной деятельности).

Не стоит забывать, что рынку – при всех его реальных и мнимых достоинствах – органически присуще стремление к гомеостатическому равновесию: чем сильнее приближается он к модели совершенной конкуренции, тем меньший ресурс для общественного развития генерирует. Поскольку победить в условно «честной» конкурентной борьбе в подобных условиях возможно, лишь снижая цену, а стартовые позиции для ценовой конкуренции у всех равные, то и прибыль получается строго «нормальной», т.е. околонулевой¹. На какие-либо инновационные эксперименты (разработку новых благ и процессов) при подобных вводных средств не должно оставаться совсем.

¹ Полностью уходящей на покрытие издержек производства и логистики + на вознаграждение за менеджмент + отчисления в рискованный фонд.

Вывести рынок из подобного ступора возможно лишь за счёт локальной концентрации конкурентных преимуществ – наращивания рыночной власти. А это возможно лишь благодаря маневру ценой – её снижению существенно ниже среднерыночной. Что и в современных-то условиях возможно по большей части за счёт оплаты труда, а в реалиях, релевантных творчеству Маркса, лишь только так. Просто потому, что на остальные факторы производства цены носят объективный характер и практически не поддаются волевой коррекции (посредством торга), а если и поддаются, то опять-таки лишь в той мере, в какой в них присутствует всё тот же труд. Потому что только на цену труда, который пока ещё неразрывно связан с человеком, можно влиять с помощью неэкономических инструментов: убеждением, обманом, запугиванием и т.д.

Соответственно если продавец товара в критике Марксом Кондильяка формирует локальное превышение рыночной власти (т.е. покупательной способности над предикатной стоимостной массой), завышая цену – допустим, приписывая своей продукции несуществующие свойства и преимущества – то производитель то же самое делает, давая на своих работников, чтобы недоплатив им, приобрести ресурс для роста и развития своего бизнеса. Понятно, что работает эта система не строго «по Марксу» – когда работодатель изначально диктует работнику условия найма по расценкам тюремного ведомства¹. Капиталист опытным путём определяет, сколько можно «отщипнуть» от фонда оплаты труда в условиях примерно известной ему конъюнктуры рынка – так, чтобы работники от него не разбежались к прочим нанимателям. Точно также и конкретный торговец, зная «настоящую» цену своего товара², маневрирует ценой, стараясь опытным путём понять, сколько ещё можно к ней прибавить за счёт конъюнктуры и вообще асимметрии информации.

В результате получается всё та же прибавочная стоимость, только описанная без условностей и ограничений, налагаемых на неё гегельянским и рикардианским дискурсом, – прибавочная стоимость конъюнктуры, т.е. избыточная прибыль, возникающая в силу удачного тайминга или рыночного положения, а не производительности труда.

6.2. Финансовизация и шумпетерианская рента. Инновации согласно Йозефу А. Шумпетеру – важнейший источник прибыли. Его теория «творческого разрушения» утверждает, что временные монополии, возникающие в результате технологического лидерства, дают компаниям возможность устанавливать цены, существенно превышающие издержки. Это так называемая **инновационная рента** [11].

Сегодня эта рента становится нормой: Amazon, Google, Microsoft и Apple извлекают колоссальную прибыль не из повседневной эксплуатации труда, а из способности контролировать экосистему инноваций. В этих условиях

¹ Хотя любой капиталист в принципе именно к этому и стремится, из-за чего в систему капитализма так органично встраивается и постоянно возрождается под новыми именами и в новых юридических формах институт рабства.

² Таковую, которая бы обеспечила ему «нормальную», околонулевою прибыль.

прибавочная стоимость превращается в результат юридической защиты исключительности – патенты, лицензии, стандарты. Роль труда здесь – минимальная, но рента сохраняется.

Таким образом, как будто происходит смещение акцента с труда на инфраструктуру, с процесса производства – на режим доступа. Иначе говоря, кто контролирует протокол (API или алгоритм ранжирования), тот и получает прибавочную стоимость.

Последняя, однако, отнюдь не меняет своей природы, поскольку формируется за счёт принудительной по существу наценки, ничем не отличающейся от конъюнктурной (усл. «по Кондильяку») в том отношении, что порождаемая ею денежная масса не подкрепляется никакими диспозитивно востребованными благами. А значит, в реальности «оплачивается» за счёт уменьшения покупательной способности денежной массы совокупной, т.е. открыто и насильственно¹ извлекается из кармана массового потребителя, который может даже не пользоваться порождающей ренту инновацией!

Апогея это насильственное присвоение достигает в финансовом секторе, в условиях взаимообусловленных трендов на глобализацию и финансовизацию. Подкрепляемые галопирующим прогрессом информационно-коммуникационных технологий оба они многократно масштабируют выгоду, которую можно извлечь из спекуляции на асимметрии информации, превращая тем самым фондовую биржу в аттрактор непреодолимой силы, подобно вампиру высасывая из общества последние ресурсы. Однако в конечном итоге порождаемое подобным образом «богатство» содержательно ничем не отличается от инновационной ренты – также возникая из принудительного перераспределения покупательной способности и разве что расширяя пул доноров конъюнктурной прибавочной стоимости с лиц наёмного труда на средний класс и даже самих капиталистов!

6.3. Конкуренция, зарплаты и цифровое давление. Однако и наёмный труд в условиях глобальной конкуренции, усиленной цифровыми платформами и другими технологическими решениями, отнюдь не становится менее уязвимым. Давление на заработные платы усиливается:

- работодатели имеют доступ к глобальному рынку фрилансеров;
- платформы диктуют условия занятости без формальной ответственности;
- триединый тренд на автоматизацию/роботизацию/цифровизацию снижает необходимость в высококвалифицированном труде – в перспективе (всё менее отдалённой) до полного технологического замещения.

Роль последнего феномена в эволюции предложения труда в экономике особенно сложна, во многом противоречива и даже парадоксальна, а потому исключительно интересна. С одной стороны, три всадника «технологического Апокалипсиса», действительно, безнадёжно выдавливают человека из

¹ Что с точки зрения юриспруденции конституирует насильственное присвоение (грабёж).

сферы производства в чистое потребление – и то лишь за неимением лучшего средства поддержания динамики хозяйственного оборота. С другой стороны, они же формируют среду («экосистему»), необходимую для институционализации того, что может и должно заменить труд в качестве фактора производства в новых технологических реалиях. Речь идёт о творческом самовыражении, т.е. созидательной деятельности, не обусловленной императивом физического выживания – как о механизме, способном принять на себя роль труда в распределении, но что гораздо важнее, стать двигателем дальнейшего техногенного развития.

Человеческое творчество в последнем отношении имеет то неповторимое преимущество, что органически и постоянно генерирует... ошибки. Да-да, именно ошибки! Незапланированные, непредсказуемые и потому обеспечивающие принципиальную возможность появления той самой гёделевской «внешней точки», без которой невозможен переход на принципиально новый уровень развития науки и технологий (парадигмальный сдвиг по Куну). Последнее обстоятельство в условиях постоянно возрастающего темпа цифровизации приобретает критически важное значение. Учитывая, насколько губительно, даже убийственно действует неконтролируемая пролиферация цифровой среды на неопределённость и асимметрию информации, дальнейшее техногенное изживание этих факторов грозит глобальному финансовому сектору, а значит, и экономике в целом полным коллапсом и погружением общественного развития в предсказанный ещё Бём-Баверком мёртвый сон простого замещения стоимостей.

6.4. Рынки труда и алгоритмическая эксплуатация. Тем не менее и в рамках новой информационно-технологической экосистемы: в «гибкой» экономике фриланса, платформенной и дистанционной занятости ни остатки наёмного труда, ни идущее ему на смену самостоятельное творчество не имеют шансов сами собой, автоматически освободиться от эксплуатации. Ведь в новых условиях рабочее время окажется окончательно размыто, оценки эффективности полностью потеряют прозрачность, а следовательно, и уровень дохода окажется предельно нестабильным. Эксплуатация, таким образом, лишь сменит формы, приняв новый характер – **алгоритмический**.

Обратимся ещё раз к неоднократно упоминавшемуся выше сервису Uber. Водитель не знает, сколько платит клиент. Алгоритм сам определяет цену, распределяет заказы, блокирует аккаунты. Работник оказывается в полной зависимости от цифровой системы, но при этом лишён статуса наёмного сотрудника. Труд становится одновременно индивидуальным и обезличенным, формально свободным и фактически контролируемым.

Та же логика действует в экономике внимания: блогеры, стримеры, создатели контента работают «сами на себя», но алгоритмы YouTube, TikTok или Instagram решают, кто получит трафик, а значит, и деньги. При этом платформа получает львиную долю прибыли, не создавая контент сама. Это и есть новая форма прибавочной стоимости – эксплуатация через инфраструктурное посредничество.

Подводя итог всему вышесказанному, можно резюмировать, что новые экономические реалии постоянно и органически порождают новые механизмы извлечения избыточной стоимости, которые хотя и не вполне укладываются в классическую модель прибавочной стоимости, но сохраняют её логику: дисбаланс между усилием и вознаграждением, между созданием ценности и её присвоением.

Концепция прибавочной стоимости как аналитическая категория остаётся применимой, если мы признаем, что «прибавочная стоимость» – это не просто результат эксплуатации труда, но и результат рыночной власти, контроля над инфраструктурой и управлением доступом к ресурсам и аудитории.

Заключение: жизнеустойчивость идеи и трансформация марксизма

Прошло почти полтора века с момента публикации первого тома «Капитала». За это время изменился мир, изменилась экономика, изменилась структура труда и даже сама природа стоимости. Но концепция прибавочной стоимости продолжает существовать, пусть и в переосмысленном виде. Почему?

Во-первых, потому что она остаётся внятной моделью социального конфликта. Даже если она не точна в терминах современной эконометрики, она продолжает работать как критическая оптика: способ увидеть, где и как создаётся дисбаланс между трудом и прибылью. В условиях неравенства, хрупкой занятости, алгоритмической зависимости и экологических кризисов подобная оптика особенно востребована.

Во-вторых, потому что концепция прибавочной стоимости эволюционирует. Она уже не ограничивается фабрикой или заводом, как в индустриальную эпоху. Сегодня она проявляется в цифровых платформах, в инфраструктурной ренте, в патентной политике, в управлении вниманием пользователей. Это свидетельствует о высокой адаптивности марксистской теории, несмотря на её критику.

В-третьих, концепция прибавочной стоимости сегодня выполняет функцию не догмы, а инструмента критического анализа. Марксизм больше не претендует исключительно на роль окончательной истины – он предлагает язык, с помощью которого можно описывать, проблематизировать и критиковать реальность. Это и есть ключ к его выживаемости: он не столько предсказывает будущее, сколько позволяет задавать важные вопросы о настоящем.

Наконец, идея прибавочной стоимости жива, потому что она затрагивает универсальное чувство – ощущение несправедливости. И пока существуют наёмный труд, социальное неравенство и борьба за ресурсы, концепция прибавочной стоимости будет возвращаться в самых разных формах – от политической теории до TikTok-активизма.

Таким образом, прибавочная стоимость остаётся не только экономической категорией, но и общекультурным симптомом. Её нельзя воспринимать как устаревшую догму, а игнорировать её – значит потерять важней-

ший ключ к пониманию современной экономики. Теория прибавочной стоимости сегодня – это одновременно объект критики, инструмент анализа и зеркало общественных противоречий. В этом её сила, в этом её актуальность.

Список источников

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ, 2004. 576 с.
2. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. М. : Государственное издательство политической литературы, 1952. 794 с.
3. Sachs J. *The End of Poverty*. Penguin Press, 2005. 397 p.
4. Зибер Н.И. Давид Рикардо и Карл Маркс в их социально-экономических исследованиях. М. : Госэкономиздат, 1937. 575 с.
5. Поннер К. Открытое общество и его враги. М. : Феникс : Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.
6. Solow R.M. *The Wide, Wide World of Wealth*. *The New York Times*. 1988. URL: <https://www.nytimes.com/1988/03/20/books/the-wide-wide-world-of-wealth.html> (accessed: 05.07.2025).
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М. : Государственное издательство политической литературы, 1960. 908 с.
8. Бём-Баверк О. Теория Карла Маркса и ее критика : разрешенный автором перевод под редакцией и с предисловием П.И. Георгиевского, орд. проф. Имп. С.-Петерб. ун-та. СПб. : Тип. П.П. Сойкина, 1897. 127 с.
9. Bellofiore R., Redolfi Riva T. *The Neue Marx-Lektüre: Putting the critique of political economy back into the critique of society*. *Radical Philosophy*. 2015. URL: https://www.radicalphilosophy.com/article/the-neue-marx-lecture?utm_source=chatgpt.com (accessed: 01.07.2025).
10. Saint-Pierre A., Boisguilbert P., d'Argenson M. Gournay V., *Physiocratie L., Quesnay F., Guyot Y.* *Mélanges d'économie politique*. Paris: Guillaumin et Cie, libraires, 1847. 673 p.
11. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития: исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры / пер. В.С. Автономова, М.С. Любского, А.Ю. Чепуренко. М. : Прогресс, 1982. 456 с.

References

1. Fukuyama, F. (2004) *Konets istorii i posledniy chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow: AST.
2. Marx, K. (1952) *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii* [Capital: Critique of Political Economy]. Volume I. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
3. Sachs, J. (2005) *The End of Poverty*. New York: Penguin Press.
4. Ziber, N.I. (1937) *David Rikardo i Karl Marks v ikh sotsial'no-ekonomicheskikh issledovaniyakh* [David Ricardo and Karl Marx in Their Socio-Economic Research]. Moscow: Gosekonomizdat.
5. Popper, K. (1992) *Otkrytoye obshchestvo i yego vragi* [The Open Society and Its Enemies]. Moscow: Feniks, Mezhdunarodnyy fond "Kul'turnaya initsiativa".
6. Solow, R.M. (1988) *The Wide, Wide World of Wealth*. *The New York Times*. 20 March. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/1988/03/20/books/the-wide-wide-world-of-wealth.html> (Accessed: 05.07.2025).
7. Marx, K. & Engels, F. (1960) *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Volume 23. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
8. Böhm-Bawerk, O. (1897) *Teoriya Karla Marksa i yeye kritika : razreshenny avtorom perevod pod redaksiyey i s predisloviyem P.I. Georgiyevskogo, ord. prof. Imp. S.-Peterb. un-*

ta [Karl Marx's Theory and Its Criticism: Translation Authorized by the Author, Edited and with a Preface by P.I. Georgievsky]. Saint Petersburg: Tip. P. P. Soykina.

9. Bellofiore, R. & Redolfi Riva, T. (2015) The Neue Marx-Lektüre: Putting the critique of political economy back into the critique of society. *Radical Philosophy*. [Online] Available from: https://www.radicalphilosophy.com/article/the-neue-marx-lekture?utm_source=chatgpt.com (Accessed: 01.07.2025).

10. Saint-Pierre, A., Boisguilbert, P., d'Argenson, M., Gournay, V., Physiocratie, L., Quesnay, F. & Guyot, Y. (1847) *Mélanges d'économie politique*. Paris: Guillaumin et Cie, libraires.

11. Schumpeter, J.A. (1982) *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya: issledovaniye predprinimatel'skoy pribyli, kapitala, kredita, protsenta i tsikla kon'yunktury* [The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle]. Moscow: Progress.

Информация об авторах:

Альпидовская М.Л. – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия), почётный работник сферы образования Российской Федерации. E-mail: morskaya67@bk.ru

Корнилов А.М. – ассистент кафедры экономической теории факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: lyokha74@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.L. Alpidovskaya, Dr. Sci. (Economics), full professor, professor, Financial University (Moscow, Russian Federation); Honored Worker of Education of the Russian Federation. E-mail: morskaya67@bk.ru

A.M. Kornilov, teaching assistant, Financial University (Moscow, Russian Federation). E-mail: lyokha74@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.07.2025;
одобрена после рецензирования 01.09.2025; принята к публикации 12.09.2025.*

*The article was submitted 01.07.2025;
approved after reviewing 01.09.2025; accepted for publication 12.09.2025.*